Нестеренко Василий 30.03.04

Василий Нестеренко: У плохих художников и украсть-то нечего

Веч. Москва – 2004 – 30 марта – с. 6

Один раз мы с друзьями сфотографировались на фоне этой картины в куртках и ушанках

Талант, красавец, работяга. Стала искать какие-нибудь опубликованные беседы с Василием НЕСТЕРЕНКО – почти ничего. А ведь говорит просто, ясно, отвечает на вопросы, которые другим художникам и задать-то постесняешься. Особенно тем, кто имеет отношение к церковному искусству. В общем, собеседник интересный, не скрытный. А встретились мы в его мастерской на Покровском бульваре.

– Василий Игоревич, хочу спросить вас об иконах. Как они становятся чудотворными? Почему некоторые мироточат?

– Чудо мироточащей иконы непонятно ни для священников, ни для кого. Ребенок может нарисовать иконку – и она вдруг мироточит. Под Псковом есть храм – там мироточат сразу все иконы. Другое чудо я видел на Афоне, в Иверском монастыре. Там лампада в храме качалась сама по себе сто лет. Перед войнами и катастрофами она, говорят, изменяет амплитуду. Я видел ее в 95-м – она качалась. В 97-м – остановилась. На Афоне не знают, что это за знак.

– В Москве есть чудотворные иконы?

– Есть. Например, образ Нечаянной Радости в Марьиной Роще.

– А «Богоматерь Владимирская»?

– Конечно. Потому и борются, чтобы отдали ее Церкви. Чудотворная была Казанская икона Божьей Матери – она пропала. Есть Курская икона – в Америке. Помните картину Репина «Крестный ход в Курской губернии»? Там барынька такая ее несет – в стиле критического реализма того времени. А это чудотворная икона, увезенная белыми эмигрантами в Америку. Я ее видел во время службы в Синоде на 99-й улице в Нью-Йорке. Она сейчас, как и прежде, в жемчужном окладе.

– Уместна ли молитва в музее перед иконой? Место ли иконе в музее, в Третьяковке?

– Молитва перед иконой уместна везде. Но, по-моему, место иконы только в церкви – это ее дом.

– В этом случае ее не увидят миллионы людей, которые не ходят в церковь.

– Если они не хотят идти в церковь, они и в музее не увидят в иконе главного. Они что, в музей ходят смотреть иконы? Ничего подобного! Иконный зал проходят быстро…

– А зачем икону одевают в оклад? Физически защищают? Или чтобы богаче выглядела?

– Всю живопись при этом закрывают. Я вот сейчас восстанавливаю Храм Успения Божьей Матери в селе Домнино Сусанинского района Костромской области…

– Я даже догадываюсь, кто в этом селе жил.

– Это родовое имение Романовых, где старостой был Сусанин. Мы уже сделали большую часть, там огромное количество икон высочайшего класса. Они закрыты окладами. А живопись – чудная.

– Что, нельзя снять оклады?

– Так и оклады красивые сами по себе, XIX век! Как быть?.. Вопросы есть неразрешимые. Есть, допустим, икона святой Анны на Афоне, которая дает детей бесплодным парам. Она вся уставлена сотнями маленьких фотографий родившихся детей, увешана крестиками, колечками, часами. Оклад – это тоже подарок иконе, отдельное искусство…

Но чтобы закончить тему музея: конфликт должен решаться обоюдно. Я расписывал Успенский собор в Дмитрове. Удивительный храм, построенный Алевизом Новым, итальянцем, который строил Архангельский собор в Кремле. После революции храм превратили в музей. Сейчас восстановили собор в полной его красоте – а музею дали отдельное здание рядом. Разрулили все грамотно – все довольны. Что требуется от музеев? Понимать, что они владеют не своим. Что требуется от священников? Понимать, что в их распоряжении находятся произведения искусства. Бывает, отдают в храмы иконы из музеев – а потом какой-нибудь служка – бац! – начинает новый оклад прибивать гвоздиком. Вот мы делаем сейчас росписи. А вдруг там священнику захочется их подновить? Да еще своего, местного мастера позвать, чтоб уж подешевле. А тот подмажет! Роспись станет «как новая»…

– Вот вы в армии служили. Интересно, что в армии делают художники?

– Меня забрали с первого курса Института Сурикова. Прошло несколько месяцев, прежде чем я получил задание как художник: нарисовать тумбочку и что в ней разрешено держать. Дали заготовленные подписи, например, «расчёска». Ну нарисовал и «расчёстку». Был спор – можно ли сигареты? У нас начальник был продвинутый, разрешил. Спорили, какие. Я нарисовал «Яву» за 40 копеек в мягкой пачке… А служил я в Архангельском, в пожарной команде.

В 96-м году выносил содержимое музея «Архангельское». Впервые стал относиться к живописи так: тяжелая картина – значит, плохая! Легкая – значит, хорошая. Особенно тяжело было вытаскивать бюст Нерона. На деревянных салазках по снегу везли… Это богатейшее собрание было дореволюционное. Вот, посмотрите, у меня собственная копия картины Ван Дейка «Портрет Маргариты Лотарингской» из Архангельского. Оригинал вытащили из рамы, и я два месяца его копировал. Они поставили свою печать на копии и отдали мне ее в вечное хранение.

– Видите, какой толк от армии.

– Вы прямо как Язов. У меня сейчас выставка работает в Музее на Поклонной горе. Там ко мне подошел господин Язов, тогдашний министр обороны, засмеялся и сказал: «Видишь, не зря служил». Так что все замкнулось в круг.

– А у вас до этого огромная выставка была в Большом Манеже.

– Я все удивляюсь, что вы до сих пор не спрашиваете. Я же стал последним художником, кто сделал выставку в Манеже! Пять с половиной тысяч квадратных метров были мои…

– В Манеже персональные выставки были только у Глазунова, Шилова, Андрияки, Налбандяна… Вы блатной сильно?

– Нет, я вообще не блатной. Я просто способный. Но Манеж – это не какой-то там зальчик. Мне было очень боязно. Даже если вдоль него по улице едешь – и то долго. А пешком? Мне казалось, моих картин и на предбанник-то не хватит… Но московское правительство приняло решение – и деваться было некуда.

– Сколько у вас примерно работ вообще?

– Три-четыре сотни, наверное.

– Откуда вдруг в вашей биографии взялась Америка?

– Меня посылали от Министерства культуры, когда Горбачев с Бушем договорились об обмене студентами. И я там провел пятый курс. Ехал в полную неизвестность. Это были 91–92-й годы, тяжелейшее время, мама в Москве стояла в очереди за сахаром. С номером 1223 на руке. 1223 год – это битва на Калке. Я американцам рассказывал – они мне сразу сахар ставили – ешь, мол… Стипендия – 150 долларов в месяц. Плюс, конечно, проживание, еда. Но 150 долларов – это ровно на один холст среднего размера с подрамником. Ну и 10 долларов на пиво с орешками. Доллар десять стоил проезд в метро, два раза съездил – и привет. А я с собой взял несколько работ. И «Сити-банк» сделал мою выставку. Институт ПРАТТ предоставил мне мастерскую с видом на башни-близнецы. Я заключил контракт с одной из крупных галерей в Сохо – это район, где все галереи.

– Вы в этой мастерской писали картины и продавали их?

– В Нью-Йорке – если ты не продаешься, ты не человек.

– Да, в общем-то, и у нас тоже.

– Не совсем. Чтобы у нас получить любовь народа, важно, чтобы ты рисовал хорошо. Вот я из Америки, ко всеобщему великому удивлению, и вернулся в Россию. Чтобы написать дипломную многофигурную картину и закончить свой Суриковский. Многофигурная картина – это верх сложности.

– Почему арт-критики так презирают академическое искусство, считают его тупиком?

– Я еще помню эти советские выставкомы, когда начался резкий крен влево. Сейчас он усилился.

– Почему?

– Не знаю. Но это видно по прессе, предпочтениям музейщиков, заметно даже по Русскому музею, Третьяковке. Я когда уезжал в Штаты, все тогда просто молились на эту Америку. И говорили мне: эх, не тем ты искусством занимаешься!.. Но я своих идеалов не меняю. И когда я попал в Штаты – понял, какой огромный интерес к классическому искусству, основанному на знании, на школе. У них же этого нет. Нет и в Париже. Их «Эколь де Базар» – это же какое-то детство, ерунда. У них ниточка традиции прервалась. И рады бы вернуться, да не могут. Что такое эта ниточка? Среда, педагоги… В общем, я, когда приехал из Америки, был уже уверен в себе. Можно отдельно поговорить об авангарде, у меня есть друзья из этого мира, и там, и здесь…

– Они подтрунивают?

– Моя выставка в Манеже положила конец всем моим сомнениям. Я всех приглашал и видел, что и левые, и правые умиротворяются. Надо только заботиться о профессиональной честности. И я в каждой работе начинаю все сначала.

– Вот смотрите – прошла пятая седмица Поста. На ней предписывалось подумать: самое опасное на духовной лестнице оглядываться – далеко ли я поднялся; надо считать себя всегда с первой ступени, чтобы избежать самодовольства, а Бог в любой момент может перенести на первую. Хорошо перекликается с Пастернаком – «Но пораженье от победы ты сам не должен отличать».

– Мне нравится «Хвалу и клевету приемли равнодушно»… Нет, самолюбования у меня совершенно нет.

– Я не верю.

– Времени нет, я же работаю постоянно. Есть неоконченные работы – они ноют. Каждый шаг дается с таким трудом.

– Почему?

– Подарков очень мало. Редко бывает, чтобы сразу – раз! – и все само вышло. А из десяти дел получается два или три.

– А кажется – везунчик.

– Я придерживаюсь девиза, сформулированного Дали: «Художник, рисуй!» Если я займусь самолюбованием, буду председательствовать в фондах, как говорил Остап Бендер, вращаться…

– А вот Дали посамолюбовался вдоволь.

– Я уважаю его за невероятную фантазию. Но близки мне другие художники.

– Какие? Иванов, я знаю. Нестеров, тоже понятно. А из неожиданных?

– Импрессионисты нравятся.

– А вот это что за картины у вас на стене?

– Это я делал в XIV веке, а это в XV… Я шучу. Когда начальники приходят, я им голову морочу… Это репродукции дорогих мне картин: Боттичелли, Рогир ван дер Вейдена, Леонардо да Винчи… А это копия микеланджеловского «Давида» в половинном размере.

– Где вы его рисовали?

– Углем в Пушкинском музее, в институте еще. В Пушкинском он высотой 4.60, а здесь 2.30. Таких заданий с нас не требовали, но мне хотелось попробовать работать в большом размере.

– А где же вы там прятали такой огромный холст? Или каждый раз выносили? Мороки…

– Вот! Вот! Прихожу в Пушкинский – надо разрешение из МВД, от пожарников. Пошел в МВД, студент третьего курса…

– Нахал.

– Кончилось тем, что старушка-смотрительница за 25 рублей разрешила мне хранить огромный планшет под лестницей. И он у меня стоял прямо в Итальянском дворике.

– А как вы относитесь к тому, что вас с Шиловым и Глазуновым ставят на одну доску? Тем более что в художественном интернет-рейтинге Шилов занимает место значительно выше. И даже записной тусовщик Никас Сафронов.

– Глупость полная какая-то… Это связано с недостатком информации. Выставку делаю – никогда не хватает времени и сил на раскрутку еще. А они же всюду мелькают… Выставки у меня были в главных залах Москвы. И в Малом Манеже тоже. Сейчас я по России делаю. В том году в Оренбурге была, теперь готовлю в Орле – к Дням славянской письменности. Потом будет Центральная часть России – Белгород и дальше. В Питере сделаю. И есть зарубежные проекты. Я же все на Западе приостановил из-за работы в Храме Христа Спасителя.

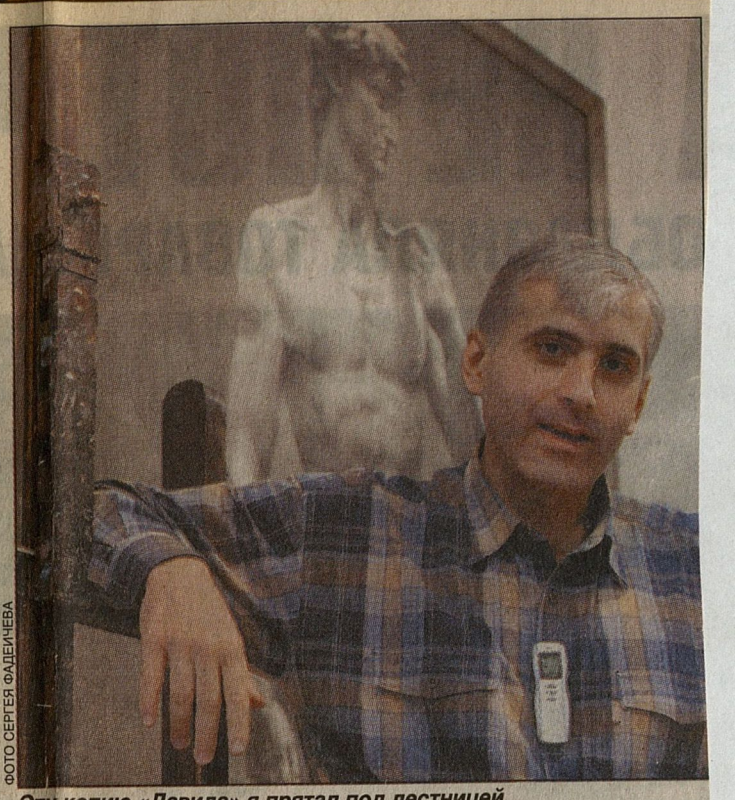


ФОТО СЕРГЕЯ ФАДЕИЧЕВА

Эту копию «Давида» я прятал под лестницей

– Скажите, а тех художников, которые расписывали храм, хоть свозили перед этим на натуру в Иерусалим?

– Я один там был. И я делал именно те сюжеты, где изображается Святая Земля.

– Гигантские росписи. Вам какие-нибудь подмастерья помогали?

– «Воскресение» с «Матфеем» вместе – 23 метра, 8-этажный дом! Я делал «Вход в Иерусалим», а рядом малый купол – по размеру живопись такая же – 15 человек делали. А я один, вот так вот.

– С кого писали персонажей?

– Портреты – только во «Входе в Иерусалим». Мы же росписи делали по меленьким черно-белым фотографиям с оригиналов XIX века. А «Вход в Иерусалим» дошел до наших дней в виде некачественного изображения, непонятно, не то мужчина, не то женщина стоит… Я сохранил общую композицию. А лица писал с художников, которые расписывали Храм Христа Спасителя. Владыка Орехово-Зуевский Алексий, который возглавлял Комиссию, сказал: «Да, да, и этого узнаю, и этого… А где же автопортрет?» И я сделал, в правом углу, я тут дико похудевший.

– В Великий пост можно работать?

– А как же. Пост – самое плодотворное время. Лучшие работы были сделаны именно в это время. «Плащаницу» для Храма Христа Спасителя как раз в пост сделал.

– Как вас занесло Тронный зал в Иерусалиме расписывать?

– Я еще в 96-м году делал портрет Патриарха Иерусалимского Диодора. Трехметровый. И в какой-то момент Диодор сказал: «Ничего не будет делаться без Василия!» И в конце 99-го Иерусалимская патриархия попросила меня заняться внутренним убранством Тронного зала патриарха, это в двух шагах от Храма Гроба Господня. Новое совершенно здание. Через две недели тут должны были встретиться все православные патриархи и президенты православных стран. Я собрал своих товарищей по Храму Христа Спасителя. Мы приехали – а там совершенно белый зал, греки повсюду, по-русски совершенно не понимают… И с православными арабами мы намучились, которые там работали. Это вообще кошмар. Мы поставили леса – арабы разобрали и унесли… Потолок, ниши, колонны, все надо как-то золотить – не золотить, орнамент придумывать. А начальство местное успокоилось: раз Василий приехал – значит, все хорошо. Ни на какие эскизы времени уже не было…

Вот вы все допытывались про самолюбование…. Я после того, как один столько всего в Храме Христа Спасителя расписал, испытывал некое чувство: я сделал то, что десятки людей не могли бы сделать, и нет мне равных… Какой герой!.. Но я очень хотел, чтобы это чувство ушло. В Иерусалиме мы работали круглые сутки. И я забыл про Храм Христа Спасителя…

Потом вернулся в Москву, ходил как потерянный после всех росписей. И придумал новую работу. У меня уже «Тайная вечеря» была в Патриаршей трапезной Храма Христа Спасителя, и я предложил туда еще четыре картины, концепцию зала всего, включая орнаменты. Сделал один зал – но надо же и остальные… И тут мне Лужков говорит: «Василий, можешь сделать за 15 дней аванзал Зала церковных соборов?» А это же, если подумать, убийственная работа.

– Как к вам Академия художеств относится? Они членкорам платят? Или вы им взносы платите?

– Платят за звание.

– А вы им что должны?

– Ничего. Я просто есть. Выше идут действительные члены академии. Но это же все выборы. Могут и не избрать.

– Да там мухлеж такой…

– А где его нет? Но они же все пришли на выставку в Манеж, посмотрели, многие вопросы отпали. Вот Глазунов академик, Церетели настоял. И Шилов академик. Нас одновременно избирали – их в академики, меня и Андрияку – в членкоры.

– Андрияка – акварелист уникальный. Вы же такие акварели не напишете?

– Почему? Более того, у него портретов нет, а я делаю акварельные портреты.

– А какие фильмы вам нравятся? Как вам первая «Матрица»?

– Бесовщина чистой воды. Нельзя идти на совет нечестивых, нельзя! А я пошел, посмотрел, противно было, конечно, очень. Но снято классно. А продолжения – это уже абсурд полный.

– «Страсти Христовы» не видели»?

– Нет еще. У Мела Гибсона, кстати, альбом мой есть. Он принадлежит к ответвлению католицизма, близкого православию. В Штатах на его фильм идет бурная реакция, он сражается в своем роде. Можно же снять, как Скорезе, «Последнее искушение»… Уж наш Патриарх насколько редко повышает голос, но тут четко сказал: кто будет смотреть «Искушение» – пойдет против церкви. А его показывали все-таки по телевизору, в людей невольно проникает яд.

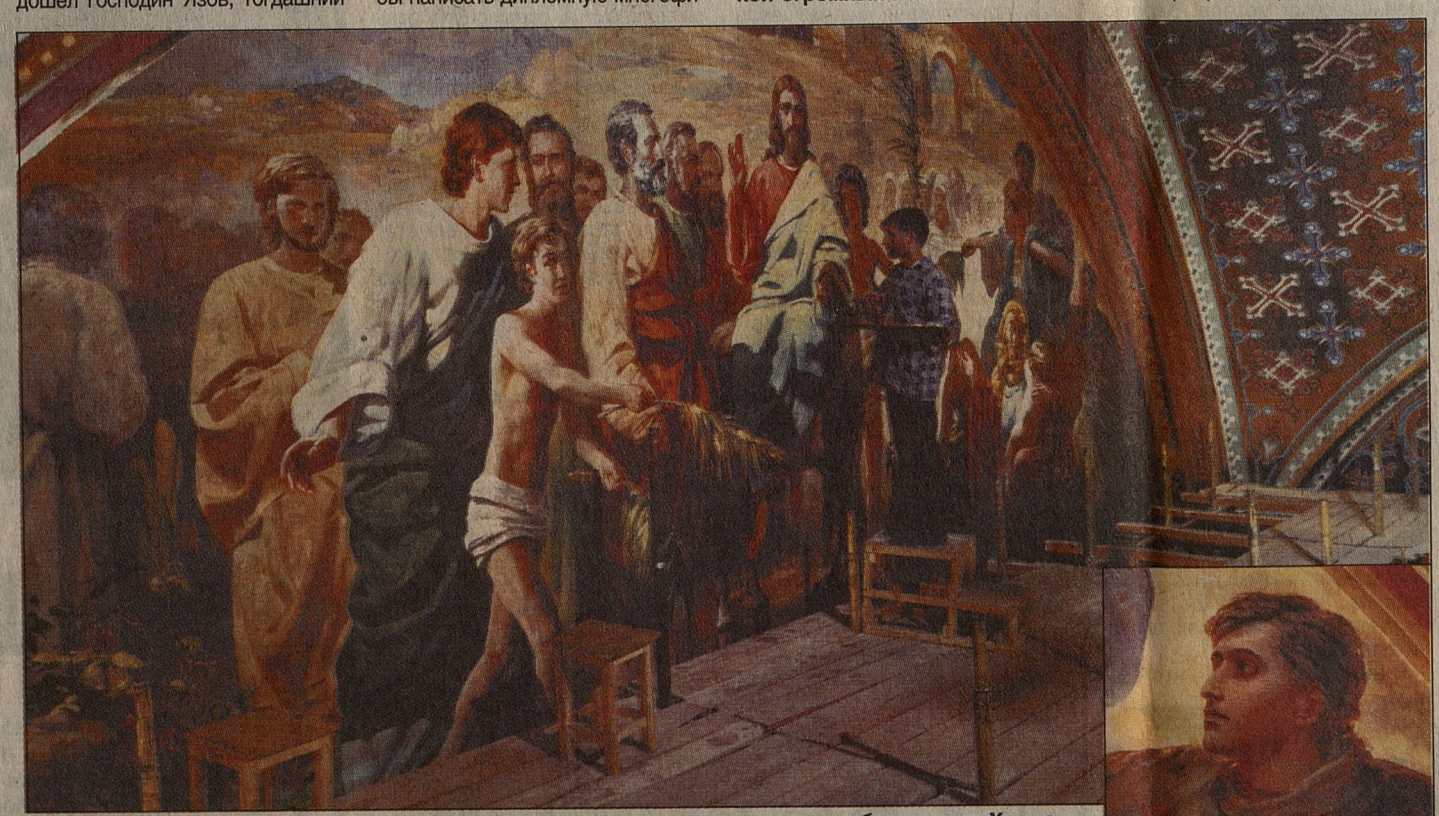
– Не знаю, не почувствовала.

– Он остается в подсознании, а потом всплывет в самый неподходящий момент.

– Василий Игоревич, сейчас идет шестая седмица – неделя покаяния. Я не спрашиваю, в чем вы будете каяться. Но задам ужасный вопрос: а вы когда-нибудь воровали? Ну, мелочь у мамы на мороженое в детстве?

– Не исключаю, но в памяти не осталось. У меня воровали. В школе еще с выставки несколько работ, гады, украли. Особенно жалко было «Натюрморт с самоваром». О-очень даже хорошо помню. Утешался тем, что раз украли – то ты хороший художник. А у плохих чего брать-то?

Беседовала
Наталья ЗИМЯНИНА



В росписи «Вход Господень в Иерусалим» запечатлены лица художников, работавших в Храме Христа Спасителя. Крайняя фигура справа – автопортрет Василия Нестеренко

ДОСЬЕ «ВМ»

Нестеренко Василий Игоревич родился в 1967 г. в Павлограде. В 1985 г. с золотой медалью окончил Московскую художественную школу. В 1994 г. – Институт им. Сурикова. Дипломная картина «Триумф Российского флота» – в Музее Вооруженных сил. Множество персональных выставок в России и за рубежом. В 1999 г. – работа над росписями Храма Христа Спасителя «Крещение Господне» (северный тимпан), «Вход Господень в Иерусалим» (западный), «Воскресение Христово» и «Апостол Матфей» (северо-западный пилон). Еще в храме: картины «Тайная вечеря», «Брак в Кане Галилейской», «Чудесное умножение хлебов», «Христос и самаритянка», «Чудесный улов» (Патриаршая трапезная); иконы «Рождество Богородицы», «Введение во храм», «Благовещение», «Успение»; «Плащаница». Оформил аванзал Зала церковных соборов. Заслуженный художник РФ. Кавалер ордена Сергия Радонежского. Член-корреспондент Российской Академии художеств.